

ДВА ДИАЛЕКТА РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ И МОДЕЛЬ¹

Циммерлинг А. В. (fagraey64@hotmail.com)

ГИРЯ им. А. С. Пушкина, МПГУ,
Институт языкоznания РАН, Москва, Россия

TWO DIALECTS OF RUSSIAN GRAMMAR: CORPUS DATA AND FORMAL MODELS

Zimmerling A. V. (fagraey64@hotmail.com)

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow State
University of Education, Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

This paper is addressed the problem of parametric variation in Russian grammar, with focus on copular constructions with agreeing and non-agreeing adjectival predicates. Basing on Russian National Corpus, I reconstruct two dialects of Russian morphosyntax. They differ regarding the assignment of the predicative instrumental case, raising conditions and the distribution of agreeing vs non-agreeing predicates after *быть* 'be', *стать* 'become' and *казалось* 'seem'. Russian-A only licenses predicative instrumental on adjectives after SEEM (*казалось странным, что P*) and non-agreeing predicatives after non-zero forms of BE or BECOME (*было странно, что P*). Russian-B allows non-agreeing forms after SEEM (*казалось странно, что P*) and forms of the predicative instrumental case after non-zero forms of BE and BECOME (*было странным, что P*). I argue that the differences between Russian-A and Russian-B must explained in terms of parametric settings and claim that Russian predicatives lack forms of the predicative instrumental. The assignment of the predicative instrumental to adjectival heads can be explained as subject control in all dialects, but only Russian-B allows raising of sentential arguments to the position of the matrix subject.

Keywords: Russian, corpus linguistics, parametric grammar, adjectives, predicatives, predicative instrumental case, agreement, control, raising, dialect variation

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 16-18-00203а «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ. Я благодарю анонимных рецензентов за высказанные замечания.

0. Структура исследования

В разделе 1 характеризуется параметрический подход к описанию внутриязыкового варьирования и вводится понятие диалекта грамматики. В разделе 2 обсуждаются параметры, связанные с подъемом аргумента и выдвигается гипотеза о том, что приписывание творительного предикативного (далее — ТП) во всех диалектах русской грамматики является случаем подлежащего контроля. В разделе 3 выделяются рестриктивный и нерестриктивный диалекты, отличающиеся условиями подъема. В разделе 4 обобщается дистрибуция форм ТП и несогласуемого предикатива по данным НКРЯ. В разделе 5 уточняются параметры русской грамматики.

1. Варьирование параметров грамматики: постановка проблемы

Для большинства работ в области русистики характерно представление о единстве литературной нормы². Варьирование ограничительных условий на воспроизведение грамматических структур в текстах XX–XXI вв. обычно описывается в терминах «правильно» (соответствие эталонному варианту русского языка, предположительно являющемуся единым для всех, овладевших литературной нормой) vs «неправильно» (отклонение от эталона). Применение подобного подхода сопряжено с тремя проблемами. Во-первых, многие ограничительные условия слабо рефлектируются: носители языка сталкиваются с ними при анализе отрицательного языкового материала, т. е. при исправлении ошибок или в лингвистическом эксперименте. Во-вторых, нормативные описания русского словаря и грамматики [Ожегов 1964; Шведова 1982] ориентированы на тексты художественной литературы XIX — первой половины XX вв., степень соответствия которых современному узусу неясна. В третьих, не раскрыты механизмы, порождающие предполагаемые ошибки, и возникает иллюзия, что грамматика держится только на внешнем принуждении и без сознательного освоения в процессе обучения эталонной форме родного языка не функционирует.

Структуралисты представляют разговорный русский язык как автономную систему, сосуществующую с литературным языком [Красильникова 1982; Лаптева 1976], что является шагом вперед в осмыслении первых двух проблем, но не дает ориентира для решения третьей — неясно, как систему правил языка А (разговорный язык) вывести из системы правил языка В (литературный язык), и наоборот. Обзорные социолингвистические работы предлагают инвентаризацию «сильных» (менее подверженных варьированию) и «слабых» зон, например, устойчивых или неустойчивых позиций граммем ср.р. и дат.п. в структуре категорий рода и падежа существительных [Comrie, Stone, Polinsky 1996; Гловинская 1998].

² Здесь и далее понятие «норма» понимается в значении «внутренняя норма», т. е. условие грамматической правильности, присущее языковой подсистеме или набору параметров и действующее независимо от внешнего принуждения.

Более гибким представляется подход, при котором внутри- и межязыковое варьирование объясняется настройками микропараметров. Смысл параметризации в том, чтобы с определенным значением параметра был связан не один признак (в таком случае параметр не отличается от конкретно-языкового правила), а группа свойств, образующих кластер. Тем самым, параметризация одновременно исчисляет языковое разнообразие и ограничивает его [Лютикова, Циммерлинг, Коношенко 2016]. В работах, посвященных внутриязыковому варьированию, формы языка, различающиеся значениями общих параметров, часто называют «диалектами» [Harris 1996; Henry 1998; Wilson, Henry 1998]. Мы будем далее использовать этот термин, сознавая его минус — наличие омонимичного употребления в диалектологии, где оно указывает на территориальную форму языка, связанную с древним диалектным членением в ареале, где может быть параллельно представлена кодифицированная наддиалектная форма того же языка. Никаких утверждений о локализации форм русского языка, различающихся настройками обсуждаемых ниже параметров, мы не делаем.

2. Предикативный падеж и предикативный атрибут

2.1. Фонологическая выраженность глагольной вершины

В ряде славянских языков, ср. польский, ТП может приписываться вершине именного сказуемого нулевой связкой «быть». В современном русском это запрещено: ТП приписывается именной (1а) и адъективной (1б) вершине исключительно ненулевой формой глагола [Matushansky 2008]; [Bailyn 2012: 194], ср. невозможность (1в–г), хотя реликты прежнего состояния есть еще у А. С. Грибоедова, ср. (2).

- (1) а. Она *была/считалась* известной.
б. Она *была/считалась* известной певицей.
в. *Она известной певицей.
г. *Она известной.
- (2) А тетушка? Все девушкой, Минервой? Все фрейлиной Екатерины Первой?
[А. С. Грибоедов. Горе от ума (1824)]

Исключения единичны, ср. клише *X молодцом*, представленное в НКРЯ 55 раз. Попытка вставить в контекст <*X — Z-ом*> другой оценочный предикат приводит к аномалии:

- (3) *Он сволочью.

2.2. Ненулевая форма подлежащего

Другое условие употребления ТП связано с наличием внешне выраженного контролера согласовательной формы рода и числа прилагательного.

Параллелизм поведения предикативного атрибута в случае, когда контролером выступает подлежащее финитной клаузы, ср. (4a), и в случае, когда контролером служит дополнение, одновременно выступающее в роли субъекта т. н. малой клаузы, т. е. нефинитной предикативной группы, ср. (4b), побуждает считать малые клаузы типа (4b) трансформами (4a). Ненулевой подлежащий контролер рода и числа в стандартном случае стоит в той же клаузе, что предикативный атрибут³.

- (4) а. Катя_{NOM.SG.F} была уже здоровой_{ADJ.NOM.SG.F*}
 б. Вася_{NOM.SG.M} застал [sc Катю_{ACC.SG.F} уже здоровой_{ADJ.NOM.SG.F}].

Правила приписывания ТП, иллюстрируемые (1)–(4), обобщает условие (i).

- (i) ТП в русском языке приписывается ненулевой формой финитного глагола, подлежащее которого контролирует форму предикативного атрибута в роде и числе.

2.3. Неканонические подлежащие и контроль

В русском языке есть несколько типов неканонических подлежащих — дативные аргументы независимых инфинитивных предложений (*Грузовикам здесь не проехать*) и несогласуемых предикативов (*Мне стыдно, грустно*), нулевые неопределенные местоимения 3 л. с семантикой агенса (\emptyset^{3SG} Улицу засыпало песком, \emptyset^{3PL} Улицу засыпали песком), сентенциальные аргументы ([Infp_i Признаваться в ошибке] стыдно, Грустно, [_{CP} что они уехали]) и эксплитивное местоимение *это* (Это было грустно) [Zimmerling 2009]; [Циммерлинг 2012]; [Летучий 2014]. Большинство неканонических подлежащих не контролируют согласование. Исключение составляют эксплитив *это* и сентенциальные аргументы, хотя лексически заданной модели согласования здесь нет — предикативный атрибут стоит в форме ед. ч. ср.р., а ненулевая связка — в 3л. ед. ч. ср.р., т. е. реализуется т. н. дефолтное согласование. ТП возможен ровно в том случае, когда позиция подлежащего заполнена ненулевым выражением, поэтому приписывание ТП — одно из проявлений подлежащего контроля.

2.4. Эксплитив *это* как контролер предикативного атрибута

В предложениях с эксплитивом *это* ТП появляется при ненулевой форме глаголов *быть*, *стать*, см. (5в) и *казаться*, см. (5д). При *быть* и *стать* форма ТП конкурирует с исходной формой предикативного атрибута на –о (далее — ИФ) — *это было неумным/неумно*, см. (5г). ИФ в структуре без лексически заданного согласования можно рассматривать либо как им.-вин. п.ср.р. ед. ч. краткого прилагательного [Попов 1881], либо как омонимичную ей форму несогласуемого предикатива [Щерба 2008]. Примем вторую точку зрения и будем

³ В данной статье мы не обсуждаем контроль согласования через границу клаузы и примеры типа *“Вася_i застал Катю_j здоровым_i*.

далее обозначать предикатив пометой PRED. С такой разметкой дистрибуция (5а-е) непосредственно отражает распределение вариантов с контролируемой формой предикативного атрибута и неконтролируемой формой предикатива.

- (5) а. Это неумно_{PRED}.
б. *Это неумныM_{INSTR.SG.N}.
в. Это было н е у м н ы M_{INSTR.SG.N}.
г. Это было неумно_{PRED}.
д. Это кажется мне н е у м н ы M_{INSTR.SG.N}.
е. ?Это кажется мне неумно_{PRED}.

По условию (i), при нулевой связке возможна только ИФ. При ненулевой связке быть, а также полузнаменательных глаголах стать, являться, делаться и т.п., ТП и ИФ конкурируют. При казаться, показаться, предстavиться формальные описания русского языка объявляют форму ТП безальтернативной [Bailyn 2012: 196], а о варианте (5е) не упоминают. Но корпусные данные показывают, что в одном из диалектов русской грамматики ИФ сочетается с казаться и показаться:

- (6) Это показалось мне с а н т и м ен т аль н о , пр и т о р н о и неумно,
а между тем я находился уже в таком настроении, когда во всем искал
прежде всего «глубины мысли». [А. П. Чехов. Огни (1888)]

2.5. Подъем эксплелива

Глаголы казаться, показаться являются операторами подъема, преобразование зависимой финитной предикации в нефинитную сопряжено с продвижением подлежащего зависимой клаузы в главную клаузу. (5д), повторенное ниже как (7б) — результат преобразования (7а). Вариант (7в) блокируется условием (i), так как в зависимой клаузе нет ненулевой финитной вершины.

- (7) а. Мне кажется, [_{CP} что это неумно_{PRED}].
б. Это кажется мне неумныM_{INSTR.SG.N}.
в. *Мне кажется, что это неумным.

Эксплелитив *это* в (7) ведет себя так же, как обычная именная группа (ИГ), контролирующая согласование в роде и числе, см. (8а)–(8в).

- (8) а. Мне кажется, [_{CP} что [_{DP} это решение]_{NOM.SG.N} неумно_{ADJ.NOM.SG.N}].
б. [_{DP} это решение]_{NOM.SG.N} кажется мне неумныM_{INSTR.SG.N}.
в. *Мне кажется, что [_{DP} это решение]_{NOM.SG.N} неумным.

Замена ИФ ⇒ ТП сопряжена с продвижением ИГ в им. п. (8а–б), либо это (7а–б) в позицию подлежащего. Параллелизм (7) и (8) подтверждает, что эксплелитив *это* ведет себя как подлежащее в конструкции с подъемом аргумента в главную клаузу. Для диалекта, где допустимы (5е) и (6), речь должна идти не об отсутствии подъема, а о нарушении корреляции между подъемом и присыпыванием ТП. Это позволяет выделить два диалекта, отличающиеся настройками микропараметра «подъем аргумента»:

- (ii) В А-диалекте, на который опираются существующие модели русской грамматики, подъем подлежащего зависимой клаузы в главную сопровождается заменой ИФ \Rightarrow ТП. В В'-диалекте подъем подлежащего может реализоваться без замены ИФ \Rightarrow ТП.

2.6. Сентенциальные аргументы

Корпусные данные свидетельствуют о еще более радикальном отклонении от А-диалекта. В диалекте русской грамматики (далее — В’), который может совпадать или не совпадать с В’, ТП приписывается не только казаться, показаться, но и ненулевыми формами глаголов быть, становиться, делаться в структуре, где они вводят сентенциальный аргумент. Наличие последнего — условие грамматической правильности в В’-диалекте. Примеры типа (9a) регулярно обнаруживаются в XIX–XXI вв., но примеров типа (9б) нет вовсе.

- (9) а. Было о ч е в и д н ы м _{INSTR}, [СР что ФНС свободно действовал под крылом и защитой Р. Хасбулатова]. [Вячеслав Костиков. Роман с президентом (1996)].

б. *Было очевидным.

В А-диалекте *быть* и *стать* не являются операторами подъема. Однако дистрибуцию (9а–б) в В’-диалекте трудно объяснить иначе, как подъем всего сентенциального аргумента в позицию подлежащего главной клаузы⁴ [Циммерлинг 2018]. Альтернатива — постулировать для (9а–б) скрытое подлежащее \emptyset , нулевой аналог эксплелитива *это*, непривлекательна по двум причинам. Во-первых, в зависимой предикации может быть ненулевое подлежащее, которое не подвергается подъему, ср. ИГ ФНС в (9а). Во-вторых, эксплелитив *это* выбирается в качестве подлежащего предикатива по иерархии неканонических подлежащих именно тогда, когда сентенциальный аргумент отсутствует, ср. обсуждение в [Zimmerling 2009; 2014; Летучий 2014]. Кроме того, неясно, зачем вводить в описание дополнительную сущность, если \emptyset поднимается в главную клаузу лишь при наличии сентенциального аргумента.

Все диалекты русской грамматики подтверждают принцип, в соответствие с которым ТП появляется в силу подлежащего контроля. Позиция подлежащего должна быть заполнена ненулевой формой, а параметрическое варьирование связано с набором разрешенных моделей подъема.

- (iii) ТП приписывается именной или адъективной вершине в том случае, когда позиция подлежащего финитного глагола заполнена ненулевым выражением. А-диалект допускает подъем ИГ в им. п. и эксплелитива *это* в главную клаузу. В’-диалект также допускает подъем сентенциального аргумента в позицию подлежащего главной клаузы.

⁴ СпецТР в традиционной генеративной нотации.

В"-диалект допускает подъем сентенциального аргумента и в случае, когда именной предикат имеет валентность на дат. п. лица, ср. (10a). А-диалект требует ИФ, которая часто интерпретируется как предикатив дативно-предикативной структуры (ДПС), омонимичный согласуемой форме им.-вин. п. ср. р. ед. ч. краткого прилагательного [Поспелов 1955; Циммерлинг 2017].

- (10) a. — Мне, — пока еще секретно — сообщили, будто департаменту полиции
стали известны _{ADJ.INSTR.SG.NP} что вы переслали какое-то письмо
отсюда. [Г. А. Гершунин. Из недавнего прошлого (1908)]. — (В")
б. Департаменту полиции стало известно _{PRED}, что вы переслали
письмо. — (А)
в. *Департаменту полиции стало известным.

Характерное для русской лингвистики представление о том, что сентенциальный аргумент всегда занимает позицию подлежащего при матричном предикате, у которого позиция подлежащего не заполнена ИГ в им. п. [Поспелов 1955: 62; Mel'cuk 2014: 183], мотивировано допущением о том, что (10a) и (10б) — варианты той же самой структуры. Это допущение сомнительно, поскольку синтаксис (10a) несовместим с условиями подъема в А-диалекте. Напротив, для (10б) нет доказательств того, что подъем вообще имеет место.

3. Параметр подъема и два диалекта русской грамматики

Построим модель фрагмента русской грамматики, учитывающую варьирование конструкций с разными типами подъема в корпусных данных. Для этого нужно упорядочить микропараметры на шкале рестриктивной силы/стабильности признака:

- (iv) _{Стабильность} [+ подлежащий контроль] >> [+ контроль сентенциальных
актантов] ... [субSTITУЦИЯ ИФ ⇒ ТП] >> _{Варьирование}

Запись (iv) означает, что во всех диалектах реализуется общий механизм приписывания ТП, построенный на принципе подлежащего контроля, при этом набор подлежащих, допускающих контроль, и степень обязательности замены ИФ ⇒ ТП различны. Предположим, что диалекты регулируются шкалой (iv). В этом случае носитель А-диалекта не должен одновременно использовать варианты (5е–д) и (10а–б), в то время как в нерестриктивных диалектах В' и В" это не исключено. Возможность прямого отождествления В' с В" проверяется путем анализа идиолектов конкретных носителей В' с В" / массива созданных ими текстов, что представляет собой отдельную проблему⁵. Объединение В' с В" допустимо рассматривать как единый диалект В, поскольку настройки параметров В' и В" совместимы.

⁵ Для большинства подкорпусов авторских текстов, которые могут быть выделены в НКРЯ, объем представляется недостаточным для окончательного решения этой задачи.

Связка	Схема	Диалект А	Диалект В	
			Диалект В'	Диалект В''
Казалось, показалось	<i>Казалось... Z-ым/</i> <i>Z-во, что P</i>	Прил. в тв. п.	ИФ на -о	?
	<i>X-у казалось..</i> <i>Z-ым/Z-во, что P</i>	Прил. в тв. п.	ИФ на -о	?
Было, стало, сделалось	<i>Было Z-ым/Z-во,</i> <i>что P</i>	ИФ на -о	?	Прил. в тв. п.
	<i>X-у было.. Z-ым/Z-во,</i> <i>что P</i>	ИФ на -о	?	Прил. в тв. п.

Рис. 1. Конкуренция исходной формы на -о и формы
тв. п. в диалектах русской грамматики

3.1. Статус исходной формы на -о

Для А-диалекта, где подъем сентенциального аргумента не допускается, можно отождествить ИФ в предложениях типа (*X-у*) было очевидно, что *P* с несогласуемым предикативом и считать, что от предикативов на -о, в отличие от кратких прилагательных на -о, формы ТП образованы быть не могут. Данная точка зрения была впервые высказана в [Поспелов 1955], см. также [Циммерлинг 2018]. Оговорка Н. С. Поспелова о том, что пары предложений *Мне было грустно vs Мне было грустно, что P* якобы реализуют омонимы предикатив : прилагательное, не нужна. Отсутствие преобразования ИФ \Rightarrow ТП при предикативах ДПС типа известно в А-диалекте подкрепляет гипотезу о том, что сентенциальный аргумент не выбирается в А-диалекте в качестве подлежащего предикатива ДПС при внешне выраженному дат. п. лица [Циммерлинг, Трубицкина 2015].

Для В"-диалекта, где допустимо варьирование (*X-у*) известно/известным, что *P*, сохраняется двойственность описания. ИФ можно рассматривать либо как предикатив — в этом случае имеет место конкуренция несогласуемого не-контролируемого предикатива с контролируемым прилагательным, либо как прилагательное — в этом случае варьирование было известно/известным, что *P* свидетельствует о факультативности замены ИФ \Rightarrow ТП после БЫЛО, СТАЛО, аналогично тому, как В'-диалект допускает оба варианта казалось неумным/неумно после КАЗАТЬСЯ.

3.2. Исходная форма на -о при КАЗАТЬСЯ

Конструкция с ИФ после КАЗАТЬСЯ возможна только в В-диалекте,ср. пример (6), повторенный ниже как (11a). Значение (11a) и структуры с финитным придаточным (11б), возможной как в А-, так и В-диалекте, идентично.

- (11) а. Это показалось мне сантиментально, приторно и неумно, (А. П. Чехов) — В-диалект.
б. Мне показалось, [СР что это сантиментально, приторно и неумно].
- (12) *Мне было сантиментально, приторно и неумно.

Следует заключить, что в (11a) реализуется особый случай подъема, без замены ИФ ⇒ ТП. Критерий для проверки дает отсутствие контрпримеров типа (12) в корпусе — слова *сантиментально* и *неумно* не являются предикативами ДПС, а (11a) передает значение ‘Х счел, что это сантиментально и неумно’, а не значение ‘Х пришел в сантиментальное настроение и повел себя неумно’.

4. А- и В-диалекты в НКРЯ

Для оценки количественного соотношения А- и В-диалектов в НКРЯ был проведен эксперимент. На первом этапе на базе 7 пар вида ИФ vs ТП проверялась конструкция с глаголами *быть*, *стать*, *делаться* и подъемом что P-аргумента, возможная в В-диалекте. На втором этапе те же 7 пар стимулов проверялись в контексте что P-аргумента и глаголов *казалось*, *показалось*. На третьем этапе проверялись комбинации *быть* + сентенциальный аргумент + ТП и *казалось* + сентенциальный аргумент + ИФ со стимулами разной семантики.

4.1. Подъем сентенциального аргумента в В-диалекте

Мы протестировали соотношение ТП vs ИФ в 7 парах: очевидным/очевидно, явным/явно, ясным/ясно, понятным/понятно, известным/известно, странным/странным, сомнительным/сомнительно. Учитывалось 5 форм связок: было, стало, становится, сделалось, делается. Отдельно подсчитывались употребления с внешне выраженным дат. п. лица. Статистика отражены на рис. 2, темным выделены показатели конструкции ДПС. Выбор формы ТП однозначно свидетельствует о реализации В-диалекта, в то время как выбор ИФ, при сделанном выше допущении о том, что В-диалект включает в себя варианты, возможные в рестриктивном А-диалекте, указывает на А ∩ В.

Вероятность выбора структуры с ТП и подъемом сентенциального аргумента выше всего при неупотребительных связках *сделалось*, *делается* (54,5%). Для *стало*, *становится* вероятность выбора структуры с ТП в предложении без дат. п. лица составляет 12,7%, а для *было* — 1,2%. Наличие внешне выраженного дат. п. лица — фактор, понижающий вероятность подъема сентенциального аргумента (в среднем — 1,9%), при связке *было* и дат. п. лица такая структура не встретилась вовсе. Тем самым, корпусные данные подтверждают выделенное положение конструкции ДПС в русской грамматике.

Эксперимент показал, что конструкция с ТП и сентенциальным аргументом при ненулевых формах связок *быть*, *стать*, *становиться* довольно распространена, хотя конкурирующая с ней конструкция с ИФ намного более частотна. Величина выгрузки примеров с ТП для каждой пары стимулов ниже соответствующего показателя для ИФ, но есть комбинации, где вероятность

появления ТП существенно выше среднего значения. Сюда относятся комбинации становится очевидным, что *P* — 88 примеров при 38 примерах становится очевидно, что *P*; становится понятным, что *P* — 42 примера при 46 примерах становится понятно, что *P*; стало очевидным, что *P* — 100 примеров при 163 примерах стало очевидно, что *P*.

Связка	Схема	Прилагательное в тв. п. <В-диалект>	Предикатив/ ИФ на –о <А ∩ В>
было	было.. <i>Z-ым/Z-во, что P</i>	32	2529
	<i>X-у было.. Z-ым/Z-во, что P</i>	0	995
стало, становится	стало.. <i>Z-ым/Z-во, что P</i>	406	2788
	<i>X-у стало Z-ым/Z-во, что P</i>	26	636
сделалось, делается	сделалось <i>Z-ым/Z-во, что P</i>	54	45
	<i>X-у сделалось Z-ым/Z-во, что P</i>	6	16
		Всего: 524	с дат. п.: 32
		Всего: 7009	ДПС: 1647

Рис. 2. Конкуренция предикативов и прилагательных в контексте *было/стало Z-ым/Z-во, что P*

4.2. Исходная форма на –о с КАЗАТЬСЯ в В-диалекте

Конструкции с КАЗАТЬСЯ реализуются в НКРЯ реже, чем показала выборка с теми же 7 парами стимулов.

Связка	Схема	Прилага- тельный в ТП <А-диалект>	Предикатив/ ИФ на –о <А ∩ В>
казаться, показаться	казалось.. <i>Z-ым/Z-во, что P</i>	78	7
	<i>X-у казалось... Z-ым/Z-во, что P</i>	213	9
		Всего: 291	с дат. п.: 213
		Всего: 16	ДПС: 9

Рис. 3. Предикативы и прилагательные в контексте *казалось Z-ым/Z-во, что P*

В XIX в. 6 раз встретилась комбинация *кажется ясно, что P*:

- (13) Но из первой моей статьи *кажется ясно, что* вопрос идет не о достоверности летописи вообще, а только о некоторых начальных её известиях, [Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876)]

Зафиксировано 4 примера *X-у кажется ясно, что P*, из них 2 относятся к 1-й половине XX в., ср. (14).

- (14) Он действительно всегда забывал давать ей деньги: так ему казалось ясно, что деньги у них общие. [М. А. Алданов. Истоки. Части 9–17 (1942–1946)]

4.3. Дативная конструкция с КАЗАТЬСЯ

Предикативы типа *ясно* имеют валентность на дат. п. лица, поэтому у (12) есть две интерпретации:

- (14') Х-убыло ясно, что деньги у них общие. (ДПС)
(14'') Х считал ясным, что деньги у них общие. (структура с подъемом)

Для верификации гипотезы о том, что сочетание *X-у кажется Z-во* может отражать подъем сентенциального аргумента, надо взять предикатив, лишенный стандартной валентности на дат. п. лица. С расширенным набором стимулов проверка дала ок. 30 примеров в 1813–2005 гг. Ср. два примера, разделенные почти 150 годами:

- (15) Не знаю как у других, но я его вижу на своем лице и мне это кажется некрасиво, как маска какая-то. [Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум) (2004)]
(16) — Если вам кажется некрасиво это, то не глядите и отворачивайтесь. [А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)]

Конструкция с подъемом и ИФ при КАЗАТЬСЯ засвидетельствована также *слогично, прикольно, грязно, неразумно, невежливо, немыслимо, губительно, педагогично, сумрачно, недостойно, придилично, сентиментально, неумно, безрассудно, необъяснимо, бесплодно, неучтиво, благородумно, мудрено*.

4.4. Маргинальные конструкции с КАЗАТЬСЯ

Помимо регулярных случаев употребления ИФ краткого прилагательного при казаться, НКРЯ фиксирует спорадические примеры других употреблений форм им. п., где подстановка ТП невозможна или затруднена. Сюда относятся употребления полной формы прилагательного, ср. *Мне кажется иное* [К. Н. Леонтьев, 1888] ‘Х полагает, что дело обстоит иначе’, *отверащаться от того, что кажется ей худое* [Я. П. Козельский, 1768] ‘отказываться от того, что кажется ей плохим’ и употребления глагола казаться в значениях ‘помещаться, почудиться’ — *Мне кажется страшное* [А. П. Платонов, 1933–35] и ‘нравиться’ — *Ну что, братец, как вам кажется здешнее местоположение?* [Д. Т. Ленский, 1833]. В этих случаях казаться не приписывает ТП в структуре, которая может быть интерпретирована как подъем нульместной предикации с опущенным инфинитивом быть.

- В XVIII в. инфинитив в структуре с подъемом мог быть выражен эксплицитно:
- (17) Время летнее кажется быть угоднейшее к посещению, нежели зимнее. [[Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721)]

Подъем ИГ *время летнее* в позицию подлежащего в (17) несовместим с современной русской грамматикой. Напротив, подъем в высказываниях типа (18), с инфинитивом при предикативе ДПС, у которого позиция подлежащего не заполняется ИГ в им. п., например, *скучно* в (18), соответствует В-диалекту.

- (18) на сии предварения, госпоже Руссо
 показалось скучно ожидать кончины своего супруга
 [Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1777–1778)]
 'Х-у показалось, что ожидать р — скучно.'

5. Выводы и перспективы

Была построена модель фрагмента русской грамматики, предсказывающая варьирование конструкций с подъемом аргумента и распределение вариантов с ТП и ИФ в корпусных данных. Русский язык XVIII–XXI вв. в данной области характеризуется двумя тенденциями — а) ограничением числа допустимых конструкций с подъемом аргумента, б) установлением дополнительной дистрибуции прилагательных в ТП и несогласуемых предикативов, что достигается в А-диалекте. Выделенное положение конструкции ДПС, выражающей значение внутреннего состояния — эмпирическая основа теорий Л. В. Щербы и Н. С. Поспелова, которые представили предикативы ДПС как класс слов, отличных от прилагательных. В пользу анализа Щербы — Поспелова свидетельствует тот факт, что в А-диалекте подъем сентенциального аргумента предикатива ДПС в позицию подлежащего затруднен или невозможен. В-диалект сохраняет возможность подъема сентенциального аргумента при предикативах всех типов.

Литература

1. Гловинская 1998 — Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 217–304.
2. Красильникова 1982 — Красильникова Е. В. О соотношении языковых уровней в системе русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982. 37–49.
3. Лаптева 1976 — Лаптева О. П. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.
4. Летучий 2014 — Летучий А. Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки. 2014, № 1. С. 62–84.
5. Лютикова, Циммерлинг, Коношенко 2016 — Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. Языковое разнообразие в зеркале параметрической грамматики // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров, Вып. 3. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». М.: МПГУ, 2016. С. 5–15.
6. Попов 1881 — Попов А. В. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.

7. *Ожегов 1964* — Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 6-е, стереотипное. М.: Советская энциклопедия, 1964.
8. *Поспелов 1955* — Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
9. *Циммерлинг 2012* — Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 568–590.
10. *Циммерлинг 2017* — Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 15 (23). М.: РГГУ, 2017. Т2. С. 466–482.
11. *Циммерлинг 2018* — Циммерлинг А. В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // Slavistična revija, 2018, № 1, С. 45–64.
12. *Циммерлинг, Трубицина 2015* — Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // Rhema. Рема. 2015, №. 4. С. 71–104.
13. *Шведова 1982* — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Русская грамматика в 2 т. М.: Наука, 1982.
14. *Шерба 2008* — Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 4-е Изд. М.: ЛКИ, 2008.
15. *Wilson, Henry 1998* — Wilson J. and Henry A. (1998). Parameter setting within a socially realistic linguistics // Language in Society, Vol. 27, No. 1, 1–21.
16. *Henry 1998* — Henry A. (1998). Dialect variation, optionality and the learnability guarantee // Linguistica Atlantica, 20 (1998), 51–71.
17. *Harris 1996* — Harris J. (1996). Syntactic variation and dialect divergence // Singh Rajendra (ed.), Towards a critical sociolinguistics. Amsterdam: Benjamins, 31–59.
18. *Bailyn 2012* — Bailyn J. Syntax of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
19. *Comrie, Stone, Polinsky 1996* — Comrie B., Stone G. & M. Polinsky. Russian Language in the 20th century. Oxford: Clarendon Press, 1996.
20. *Matushansky 2008* — Matushansky O. A Case Study of Predication // F. Marušič and R. Žaucer, eds., Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5. Frankfurt am Main: Peter Lang, 213–239.
21. *Mel'cuk 2014* — Mel'cuk I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again // В. А. Плунгян, М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. С. 169–216.
22. *Zimmerling 2009* — Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure [Linguistik International, Band 21] /G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds.). Peter Lang, 2009, 253–265.
23. *Zimmerling 2014* — Zimmerling A. Sentential arguments and event structure // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, выпуск 13 (20). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2014). М: РГГУ, 2014. С. 710–727.